

⁵ Евсева-Лобакова И.А. «Стрелецкая» (Псковская) редакция «Повести о разорении Рязани Батыем» (К вопросу о времени и принципах переработки текста источника) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 370–377.

⁶ Вступительную статью В.И.Мальшева // Повесть о приходе Стефана Батория на Псков. М.; Л., 1952. С. 22–24.

⁷ О Смоленском кремле писали многие историки архитектуры, искусствоведы и историки: См.: Грабарь И.(Э). История русского искусства. История архитектуры. Допетровская эпоха. М., 1910. Т. 1. С. 493–508; Т. 2. С. 305–337; Раппопорт П.А. Древнерусская архитектура. М., 1970. С. 122–137; Косточкин В.В. Государев мастер Федор Конь. М., 1964.

⁸ Текст Псковской редакции «Повести о разорении Рязани Батыем» приводится по изданию Д.С.Лихачева. См.: Лихачев Д.С. Повести о Николе Зараском... С. 358–369. Добавления, сделанные создателем Псковской редакции, в тексте выделены курсивом.

⁹ Салмина М.А. «О причинах гибели царств» — сочинение начала XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 332–353.

¹⁰ Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. 1. С. 73.

¹¹ Демкова Н.С. Принципы сюжетной организации текста в повествовательной литературе XVII в. // Вопросы сюжета и композиции. Горький, 1984. С. 34–35; Она же. Драматизация повествования в сочинениях протопопа Аввакума. Аввакум и традиции устного рассказа // Сочинения Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества. Материалы и исследования. СПб., 1998. С. 210–230.

¹² Евсева (Лобакова) И.А. «Повесть о разорении Рязани Батыем» в составе тематического цикла о татарском нашествии в Русском временнике и Хронографе 1599 г. // Вестник ЛГУ. 1983. Вып. 4, № 20. С. 50–55.

¹³ Лобакова И.А. Проблема соотношения старших редакций «Повести о разорении Рязани Батыем» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 36–53; Демкова Н.С. Летописная агиографическая повесть о смерти князя как жанровая модель средневекового повествования // Чтения по истории и культуре Древней и новой России. Ярославль, 1998. С. 53–57.

О.В. Панченко

СОЛОВЕЦКАЯ РЕДАКЦИЯ «ПОВЕСТИ О РЯЗАНСКОМ ЕПИСКОПЕ ВАСИЛИИ» В СБОРНИКЕ ПСКОВСКОГО ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩА

В XVI–XVII вв. духовные связи между монастырями Псковской земли и Соловецким монастырем были постоянными и многообразными. Прежде всего их связывали многочисленные паломники, приходившие помолиться псковским и соловецким чудотворцам. Как рассказывается в цикле чудес Зосимы и Савватия Соловецких, в 1602–1603 гг. иноки Псково-Печерского монастыря неоднократно направляли приходивших к ним богомольцев на Соловки просить об исцелении соловецких чудотворцев¹. Ездили на богомолье в Псков и соловецкие иноки. Известно, что в 1638 г. в Псково-Печорский монастырь приезжал по обету помолиться соловецкий келарь Ефрем Квашнин².

В XVII в. с Соловецким монастырем была связана деятельность, по меньшей мере, трех выдающихся деятелей Псковской епархии: архиепископа Иоасафа (1621–1634), митрополита Илариона (1691–1698) и игумена Никандрова монастыря Макария (конец 1660 — начало 1670-х гг.).

Архиепископ Псковский и Изборский Иоасаф был постриженником Соловецкого монастыря, учеником соловецкого игумена Антония (1603–1612). В 10-е гг. XVII в. он был одним из соборных старцев Соловецкого монастыря³, а затем несколько лет служил в Новгороде при митрополите Исидоре (также бывшем соловецком постриженнике). В 1621 г. Иоасаф был поставлен в архимандриты Псково-Печорского монастыря, а через несколько лет возведен на Псковскую кафедру (в 1627 г.). В 1632 г. он был отстранен от службы патриархом Филаретом за то, что, пойдя против царской воли, поставил свою подпись под челобитной псковичей царю против постройки в городе немецкого гостиного двора. Вскоре после этого псковичи послали царю три тысячи

рублей и добились от него согласия, чтобы немецкий двор был построен за городом. Тогда же архиепископ Иоасаф получил от патриарха прощение и «разрешение», а вскоре после кончины патриарха Филарета был возведен по воле царя в сан патриарха всея Руси (1634–1640 гг.)⁴. Во время своего пребывания на псковской кафедре архиепископ Иоасаф неоднократно посылал в Соловецкий монастырь богатые книжные вклады, среди которых особенно примечателен список Толковой Псалтыри в переводе Максима Грека, сохранившийся до наших дней (РНБ, Соловецкое собр., № 1040/1149 и № 1041/1150).

Несколькими десятилетиями позже, в 1690-е гг., во главе Псковской епархии находился митрополит Иларион Смирного (1691–1698), который до этого на протяжении более 10 лет был келарем (1676–1680), а затем архимандритом Соловецкого монастыря (1680–1687). В книжном собрании митрополита Илариона находилось несколько книг соловецкого происхождения. В их числе был и известный список «Собрания от божественных писаний <...> против новых книг», созданный во время Соловецкого восстания 1667–1676 гг. духовными вождями соловецких старообрядцев уставщиком Геронтием и архимандритом Никанором (БАН, 16.7.21)⁵. История бытования этой и других книг из собрания митрополита Илариона была исследована в статьях Н.Ю. Бубнова и О. А. Белобровой⁶.

С Соловецким монастырем была связана судьба и бывшего игумена Псковской Никандровой пустыни архимандрита Макария, назначенного первым настоятелем Соловецкого монастыря после разгрома восстания 1667–1676 гг. Пребывание архимандрита Макария на Соловках длилось 4 года (1676–1680 гг.), после чего он был переведен в Тихвинский монастырь⁷. В книжном собрании архимандрита Макария находилось по меньшей мере четыре рукописные книги, созданные в Соловецком монастыре, которые впоследствии были вложены им в книгохранительную казну Никандровой пустыни. В начале XX в. эти книги были перевезены в Псков в библиотеку Церковно-археологического комитета, а затем переданы в Древлехранилище Псковского музея-заповедника⁸. Все они были рассмотрены в недавней статье В. И. Охотниковой, посвященной книжной деятельности архимандрита Макария⁹.

Среди четырех соловецких рукописей, хранящихся в фонде Никандровой пустыни, вот уже многие годы внимание исследователей привлекает агиографический сборник середине XVII в., состоящий преимущественно из житий и служб русским святым¹⁰. Об этом сборнике упоминали в своих исследованиях Н.И. Серебрянский, В.И. Малышев, Г.К. Вагнер, А.А. Турилов¹¹. Но только недавно благодаря исследованию О.С. Сапожниковой стало известно, что этот сборник был создан в середине 50-х гг. XVII в. знаменитым соловецким писателем Сергием Шелониным, который включил в него целый ряд собственных сочинений¹². Подробное описание этого сборника содержится в «Каталоге славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника» Н.П. Осиповой и в упомянутой статье О.С. Сапожниковой¹³. В дополнение к содержащимся в этих изданиях сведениям укажем имя писца этого сборника, остававшееся ранее неизвестным. Почерк этого книгописца встречается в целом ряде соловецких рукописей 50–60-х гг. XVII в. (нам известно по меньшей мере 19 таких книг). В одной из них сохранилась его владельческая запись, в которой он сам называет себя «Козьмой Евсеевым вологжанином» (РНБ, Соловецкое собрание, № 317/337). Таким образом, интересующий нас сборник из собр. Никандровой пустыни № 292 был написан соловецким дьячком Козьмой Вологжанином, являвшимся постоянным помощником Сергия Шелонина в последний период его жизни.

Для истории бытования этого сборника представляется небезынтересным тот факт, что вскоре после его создания Сергей Шелонин вложил его в январе 1658 г. в книго-

хранительную казну Соловецкого монастыря вместе с другими книгами своей келейной библиотеки¹⁴. Тогда же по решению соборных старцев Соловецкого монастыря все книги, вложенные Сергием Шелониным, были признаны особо ценным достоянием Соловецкой обители: книгохранителям было запрещено продавать их, выменивать или выдавать из книгохранительной казны¹⁵. Однако уже спустя четверть века этот сборник оказался в библиотеке Никандровой пустыни. Произошло это после разгрома Соловецкого восстания 1667–1676 гг., когда на Соловках насильственно сменилось прежнее поколение соловецких иноков, и в монастырь были присланы новые духовные власти, в числе которых был и новый соловецкий архимандрит Макарий.

Рассмотрим подробнее состав этого сборника, в который, как уже было сказано, Сергей Шелонин включил целый ряд своих сочинений: Сказание о чудесах Иоанна и Лонгина Яренгских; Слово на перенесение мощей митрополита Филиппа; 3 службы: митрополиту Филиппу, Герману Соловецкому и яренгским чудотворцам; 2 канона: Варлааму Керетскому и Трифону Печенегскому; и 8 оригинальных тропарей русским и восточным святым¹⁶. Помимо собственных сочинений Сергей Шелонин включил в этот сборник и несколько произведений других авторов: «Стихиры и канон киево-печерским святым и всем святым, в Малой России просиявшим» Мелетия Сирига,¹⁷ Житие и Надгробное слово Иосифу Волоцкому, созданные волоколамскими книжниками первой половины XVI в. Саввой Черным и Досифеем Топорковым, и Житие Нила Столбенского, написанное иноком Болдинской пустыни Филофеем Пироговым. Вошли в состав этого сборника и несколько анонимных повестей: Повесть о страдании великого князя Георгия Всеволодовича (со службой ему), Повесть о Германе Соловецком и Повесть о рязанском епископе Василии (особой редакции). Об атрибуции последних из названных повестей и пойдет речь в настоящей статье.

Произведение это имеет следующее название: «Повѣсть како прейде из Мурома града епископство в богоспасаемый град Переяславль Рязанский». Эта повесть представляет собой новую редакцию хорошо известной Повести о епископе Василии Рязанском, которая была составлена в середине XVI в. протопопом московской церкви Спаса на Бору Ермолаем-Еразмом (уроженцем города Пскова). Напомним вкратце сюжет Повести Ермолая-Еразма. В первоначальной ее редакции рассказывается о том, что однажды епископ города Мурома Василий был оклеветан дьяволом в блудной жизни и изгнан местными жителями с епископской кафедры. В доказательство своей невиновности епископ Василий взял на руки икону Богородицы и ушел с ней на реку Оку, где, сняв с себя мантию и положив ее на воду, уплыл на ней вверх по течению в Старую Рязань. Таким образом, говорится в Повести, бывшая муромская епископия была перенесена в город Рязань¹⁸.

Две старшие редакции этой Повести — первоначальная Краткая и вторичная Пространная (вошедшая в состав Жития князя Константина Муромского) — были исследованы в цикле статей Р. П. Дмитриевой, посвященных творчеству Ермолая-Еразма¹⁹. Но третья редакция этой Повести, сохранившаяся в единственном списке в сборнике из собрания Никандровой пустыни № 292, осталась Р. П. Дмитриевой не исследованной²⁰. Между тем текст этой редакции существенно отличается от текста двух старших редакций XVI в. и является вполне самостоятельным произведением. В нем сюжет о епископе Василии распространен целым рядом новых эпизодов, в которых события, связанные с перемещением епископской кафедры в Рязань, доведены до эпохи Смутного времени.

В рассматриваемой редакции, так же как и в двух предыдущих, рассказывается об изгнании епископа Василия жителями города Мурома и о его чудесном путешествии в Старую Рязань, но при этом сообщаются и некоторые новые подробности: например, о

том, что, прибыв в Рязань, он обнаружил ее полностью разоренной Батыем, после чего снова сел на мантию и поплыл дальше вверх по течению — в Переяславль Рязанский, новую столицу княжества. Там он построил церковь и учредил епископию, а спустя некоторое время мирно почил. Дальше в Повести рассказывается о том, как в годы Смутного времени мощи епископа Василия были перенесены в кафедральный Успенский собор Переяславля Рязанского: перенесение совершил архиепископ Рязанский Феодорит в присутствии воеводы Прокопия Ляпунова. Заканчивается Повесть рассказом о чуде святителя Василия — о его благодатной помощи страждущей жене другого рязанского воеводы князя Ивана Хворостинина, после того как тот обратился с молитвой к епископу Василию и отслужил по нему панихиду.

О данной редакции Повести уже упоминали в своих работах Н. И. Серебрянский и Г.К. Вагнер, но оба исследователя относили ее создание к первым десятилетиям XVII в.²¹ При этом они исходили из того, что в тексте Повести упоминаются имена известных деятелей эпохи Смутного времени: Прокопия Ляпунова (скончался в 1611 г.), архиепископа Феодорита (умер в 1617 г.) и князя Ивана Хворостинина (служил рязанским воеводой в 1618–1619 гг.). Однако, по нашему мнению, рассматриваемая редакция Повести была создана, вероятнее всего, в середине 40-х гг. XVII в. (при рязанском архиепископе Моисее) и в создании ее принимал участие Сергей Шелонин.

Приведем доказательства атрибуции этой редакции Сергию Шелонину.

Во-первых, как уже было сказано, данная редакция Повести сохранилась только в одном сборнике, составленном самим Сергием Шелониным в середине 1650-х гг., включившим в него не менее 8 своих собственных сочинений. В числе других созданных им произведений он поместил в этом сборнике оригинальный тропарь епископу Василию, отдельные выражения которого буквально совпадают с текстом соловецкой редакции Повести. Приведем текст этого тропаря полностью:

«К могущему спасти Богу руцѣ простирая,
водамъ послужившимъ тебѣ Божиимъ мановениемъ,
на манатъ естество водное переѣхавъ,
искуситель же возрыдай погибе
священными твоими молитвами, Василие отче»²².

При сопоставлении текста этого тропаря с соловецкой редакцией Повести обращает на себя внимание тот факт, что в обоих этих произведениях для описания чудесного путешествия Василия против движения реки использовано одно и то же довольно редкое выражение «Божим мановением» (отсутствовавшее в двух старших редакциях Повести): «И абие, *Божием мановением* направляем, поиде вверх реки тоя...» (в соловецкой редакции Повести); «...водамъ послужившимъ тебѣ Божиимъ мановениемъ...» (в тропаре епископу Василию). Кроме того, и в тропаре, и в соловецкой редакции Повести епископ Василий назван просто «*отче Василие*» (вместо ожидаемого: «*святителю отче Василие*»). Такие совпадения двух текстов могут быть объяснены или влиянием одного памятника на другой, или *единством авторского стиля* сочинителя обоих произведений. Второе представляется нам более вероятным.

Во-вторых, характерным признаком авторского стиля создателя соловецкой редакции Повести о епископе Василии является широкое использование им принципа «уподобления» главного героя известным «агиологическим образцам»²³. Автор соловецкой редакции «уподобляет» епископа Василия сразу двум известным новгородским святым — святителю Иоанну Новгородскому и преподобному Антонию Римлянину. При чем он использует принцип «уподобления» одновременно на двух уровнях художественной организации текста: на вербальном и на сюжетном. Вербально он прямо заявляет о том, что его герой «подобен во всем Ивану архиепископу Новгородскому», а в

другом месте говорит, что епископ Василий — это «второй Антоний Римлянин», ибо тот на камне, а этот на мантии чудесным образом преодолели водную стихию. Одновременно с этим и на сюжетном уровне писатель вводит в текст некоторые новые мотивы, заимствованные им из Повести об Иоанне Новгородском. Например, он сообщает о том, что дьявол, желая возмутить народ против епископа Василия, подбрасывал к нему в келию некую «утварь женскую». Данный сюжетный мотив отсутствовал в двух старших редакциях Повести и, вероятнее всего, был заимствован писателем из Повести об Иоанне Новгородском, в которой также рассказывается об оклеветании новгородского святителя дьяволом²⁴. Основой для сближения сюжетов этих двух повестей, несомненно, послужило уподобление рязанского епископа Василия его «агиологическому образцу» — святителю Иоанну Новгородскому.

Следует отметить, что прием «уподобления» героя «агиологическим образцам» обычно используется в жанрах торжественного красноречия и гимнографии, но достаточно редко встречается в жанре «исторической повести» (к которому и относится соловецкая редакция Повести о епископе Василии). Поэтому то обстоятельство, что автор этой редакции неоднократно использовал прием «уподобления» именно в жанре «повести», может рассматриваться как отличительная черта его авторского стиля.

Среди большинства известных нам авторов первой половины XVII в. этот прием особенно часто использовал Сергей Шелонин, для которого (как мы показали в одной из предыдущих статей) принцип «уподобления» героев их «агиологическим образцам» является основной чертой его творческого метода²⁵. Таким образом, исходя из особенностей художественного стиля соловецкой редакции Повести о епископе Василии мы можем предполагать, что ее автором был Сергей Шелонин.

В пользу авторства Сергея Шелонина может говорить и тот факт, что примерно в те же годы, когда была создана соловецкая редакция Повести о епископе Василии, им был написан «Канон всем святым, иже в Велицеи Росии в посте просиявшим», в одном из тропарей которого он прославил рязанского епископа Василия, которого он поместил в одном ряду с другими святителями-исповедниками, пострадавшими за благочестие от светской власти²⁶.

Предложенная нами датировка соловецкой редакции Повести 40-ми гг. XVII в. основывается прежде всего на атрибуции этого сочинения Сергию Шелонину, чье начало писательской деятельности приходится именно на 40-е гг. этого столетия. В этот период им было создано несколько сочинений, посвященных прославлению русских святых: «Похвальное слово русским преподобным», «Канон всем святым, иже в Велицеи Росии в посте просиявшим» и др.²⁷ Предложенная датировка Повести находит подтверждение в документальных источниках, которые свидетельствуют о том, что церковное празднование епископу Василию Рязанскому, по-видимому, также было установлено не ранее середины 1640-х гг., во время управления рязанской кафедрой архиепископа Моисея (1638–1651)²⁸. Судя по опубликованным документам, в 1638 г., сразу же после прибытия архиепископа Моисея в Рязань была сделана опись Успенского кафедрального собора и находившейся там гробницы епископа Василия, в тексте которой епископ Василий еще ни разу не был назван святым²⁹. Первое упоминание о церковном праздновании епископу Василию и о пении ему молебнов относится только к 1645 г. (до этого, судя по всему, по нему продолжали служить панихиды)³⁰. Вероятнее всего, именно тогда, в середине 40-х гг. XVII в., по заказу рязанского архиепископа Моисея соловецкий писатель Сергей Шелонин и написал новую редакцию Повести о епископе Василии, сохранившуюся в единственном списке в собрании рукописей Псковского музея-заповедника³¹.

Текст «Повести о рязанском епископе Василии» (соловецкой редакции) публикуется по рукописи Псковского музея-заповедника, собр. Никандровой пустыни, № 292, л. 404–411.

(л. 404) **Повѣсть како прейде из Мурома града епископство
в богоспасаемый град Переаславль Рязанский.**

Ревности убо божественныя похвала ходатай, яко «праведнику похваляему, возвеселятся людие». Бысть нѣкто в Муроме-граде епископъ именем Василии, благовѣренъ, праведенъ и благочестивъ, и бояся Бога, уча и наказуя люди по заповѣди Христовѣ, якоже другии нѣкто подобенъ во всемъ Иванну архиепископу Новгородскому. Тако же и сему преподобному святителю Василию завидѣ искони ненавидяй добра дияволь, хотя от благочестивыя мысли отвратити Божия люди и возложити поношение и хулу на святаго. Начать пре // (л. 404 об.) ображати своими многокозненными мечты: овогда во образѣ жены являяся к народомъ, овогда же, во время прихода христоролюбивых людей пользы ради, пометая в келии его утварь женскую. И симъ отврати народ, и в ненависть преложи их на святаго.

Многу же о сих времени мимошедшу, обращаея народи къ епископу, многия клеветы мещуще нань. Онъ же воспрещаше имъ, божиими словесы прелагаше их от гнѣва на кротость. Они же не престаяху, вопиюще: «Не хотим от тебе твоего ложнаго учения, понеже прелцаеши нас. Инако убо словесы своими уча, инако же дѣлы пребывая»

Во единъ же от дний паки собравше // (л. 405) мся имъ ко епископу, он же изшед к ним и миръ давъ людемъ по обычаю. Они же, яко дивии звѣрие, нападше нань, начаху ризы его терзати. Он же восхитивъ напрасно в руку свою образ пренепорочныя Владычицы нашея Богородицы со превѣчнымъ Младенцемъ, исторжесе из руку их и пойде на реку глаголемую Оку. И егда прииде к рецѣ, и снем съ себя мантию свою, верже на реку, и вседе самъ на ню. И абие, Божиимъ мановениемъ направляемъ, пойде вверхъ рѣчки тоя, направляемъ образомъ Пречистыя Богоматере. И в той же день достизает мѣста нарицаемо Старая Рязань. И ту мало помедливъ, и объглядавъ мѣста того, бѣ бо уже град // (л. 405 об.) той славный разорен от безбожнаго царя Батыя, и паки всѣде на мантию, течаше, Божия духа благодатию направляемъ, вверхъ тоя же рѣчки. И егда прииде на мѣсто то, идѣже нынѣ град Переаславль Рязанский стоит, и ста ту и возлюби мѣсто то зѣло. О великое чюдо, како во единъ день толико разстояние дальняго пути прейде! Тако Богу изволшу на обличение жестоких людей и непокоривых, изгнавшихъ святаго. Яко же глаголють, триемъстомъ поприщъ быти разстояние мѣсто то.

Людие же мѣста того начаша приходити ко святому, он же нача поучати их от святыхъ писаний Христова учения заповедей Евангель // (л. 406) скихъ. И повѣдаша о немъ князю мѣста того. Князь же слышавъ о немъ, радостенъ бывъ, приемлетъ от него благословение и вопрошаетъ его, откуда бѣ и коея страны. Святитель же Василии отвѣща ему: «Богъ, иже вся чловѣки хотяй спасти, приведе мя сѣмо. А яже о мнѣ, вся по времени извѣстно ти будетъ. Но молю тя, княже, даждь ми мало мѣста в державѣхъ твоей, идѣже церковь воздвигнути в славу Божию и Пречистой Его Матери и святымъ страстотерпцемъ Борису и Глѣбу». Князь же обѣщася ему с радостию прошения его исполнити, еще же и способствовати во всемъ ему. И глагола святителю Божию: «Идѣже тебѣ Богъ известит, тамо // (л. 406 об.) себѣ сотвори церковь». Святой же походи, и возлюби мѣсто мало повыше града, яко едино поприще отстояние, и возлюби мѣсто себѣ, и ту начать церковь созидати. Князь же начать помогати ему. Тако же и людие мѣста того помогающе ему.

Услышавше же о нем злии клеветницы, Мурома-града жители, начаша себе порицати: «О, какво зло, братие, сотворихом: такова учителя изгнахом злѣ, от диявола пострекаеми и поуцаеми, вѣчно поношение себѣ изходатайствовахом!». И начаша приходити к нему во страну ту, благословения и прощения от него просяще. Он же с радостию вся приимаше, // (л. 407) подобяся во всем учителю своему Христу, и, его ученикъ беззлобию, глаголя сице: «Чада, не вы убо сия мнѣ сотвористе, но искони ненавиждй добра диявол, хотя вас безплодны сотворити в день Господа нашего Исуса Христа и отщетити вас от любве Его, без неяже никтоже узритъ Господа. О мнѣ же, яко же Господь устроить, тако и буди воля Его во всем». И тако поучивъ их, отпускаше в дома своя, подаваше им вѣчно благословение и прощение.

Святыи же поживе ту многа лѣта, и с миром ко Господу отиде. И погребенъ бысть у тоя же церкви за олтарем.

Многимъ же лѣтам мимошедшим, бѣ бо ту церкви каменная от древних лѣт создана, // (л. 407 об.) и той разсыпавшися, и на том мѣсте создана бысть церковь древена. Во время же то в Росийском государстве грѣх ради наших нестроение и мятеж бысть от Ростриги и его единомысленикъ. И потом бысть на Рязани архиепископъ Феодоритъ; владеюще же тогда градомъ воеводскою властью Прокопию, порекломъ Ляпунову.

Является в ношном видѣнии святыи Василие тут же нѣкоему мужу просту, в подгории тоя же горы живущу в пещере земней от многъ лѣт, глаголя сице: «О, человекѣ, не могу терпѣти попираня человекѣча, понеже и от безсловесных скотовъ попираемъ есмь и небрегомъ, и плеснѣ мои уже // (л. 408) пребиша. Возвѣсти сия архиепископу града сего, дабы мощи мои пренеслъ в соборную церковь». Человекѣк же той, слышавъ сия, бысть во ужасѣ велице, и рече ему: «Повѣждь ми, господи, кто ты еси?». Он же рече ему: «Азъ есмь епископъ первый града сего, имя мое Василий». Муж же той возбнувъ от сна, начать размышляти в себѣ, и начат повѣдати видѣние то живущимъ ту людемъ. Архиепископу же того не повѣда.

И паки времени прешедшу иному, является святыи другому мужу нѣкоему, имѣюще хитрость желѣзо ковати. И глагола ему тако же, и последи рече ему: «Аще повѣдаеши о мнѣ // (л. 408 об.) архиепископу града сего, имать Богъ исцѣлити сына твоего», бѣ бо у человекѣка того сынъ злѣ боля при смерти. Человекѣк же той, слышавъ сия и о исцѣлении сына своего, возбнувъ и радостенъ бывъ, тече ко архиепископу и повѣда ему вся, яже видя. Архиепископъ же с радостию сия слышавъ. Возвѣщается сия всему причту церковному, и архимандритом и игуменом. И нарече има день, в онъ же пренесение сотворит честнымъ мощемъ его.

И тако со всѣмъ освященнымъ соборомъ пришедше, окопавше гробъ его, бѣ бо каменнь, плите же верхней мало надломившейся, и того ради плеснѣ святаго приимаху попираня от человекѣк же и скотъ безсло // (л. 409) весных. Егда же открывше гробъ, видѣша святаго мощи цѣлы, яко и амфору его тлѣнию не подлежати, но цѣль весь. И тако со псалмы и пѣсньми пренесоша честныя мощи его в соборную церковь Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Мария честнаго Ея Успения. Человекѣк же той принесе ту сына своего едва жива суца, и в той час исцѣление получи. И прославиша Бога, творящаго дивная и преславная святыми своими, и положиша мощи святаго в той же рацѣ.

Оле, преславное чудо! Воистинну, братия, сей великий святитель — второй Римлянинъ. Онъ бо на камени, сей же на мантии, подобно друг другу // (л. 409 об.) чудо сотвориста. Пречистыя же Матере Божия образ, иже чудеса сотвори святымъ своимъ угодиномъ Василиемъ, над гробомъ его устроень, и до сего дни всѣми видимъ и покланяемъ и почитаемъ, и неугасимая свѣща пред нимъ стоит, приходящимъ точитъ целбы всегда и во вѣки, аминь.

Мало же и от чудес нѣчто исповѣмъ желающимъ слышати к ползѣтѣ душевнѣй.

Нѣкто синклитикъ царевы полаты, именованъ князь Иванъ, порекломъ Хворостининъ, повелѣниемъ царевымъ строящу ему градския вещи и управляющу люди. Женѣ его бывшей в болѣзни тяжчей зело во время // (л. 410) рождения младенцу ея, нужду великую и болѣзнь имущей, яко на четыре дни от тоя болѣзни мучится ей и едва живѣе сущей. Прииде же мужъ в себѣ и начат помышляти: «Что се есть наше согрѣшение пред Богомъ?» — и прииде в соборную церковь Пречистыя Богоматере, моляше Господа Бога и Пречистую Его Матерь, дабы простил жену его. Возрѣв же на гробъ святителя Василия и начат спрашивать ключаря: «Есть ли у вас написание о святѣмъ Василии епископе что мало?» Он же принесе ему писание и прочет. Онъ синклитикъ писание то начат чести и удивлятися Божиимъ чудесемъ. Рече же къ церковникомъ ту сущимъ: // (л. 410 об.) «То почто таковой свѣтильникъ в презрѣнии есть?» Они же рекоша к нему: «Тако Богу благоизволшу о семъ, мы не вѣдывъ. Точию кто призоветъ его, и бываетъ молитвами его от Бога великая помощь и заступление». Он же рече к нимъ: «Да молебная совершаете ли святому?» Они же рекоша тако: «В презрѣнии святой сей, и канона ему нѣсть. Точию кто от православныхъ людей понахиду пропоетъ святому, и во имя его принесетъ свѣщу и канон, и бываетъ милость Божия». Он же повелѣ в томъ часѣ кутию принести, и начаша пѣти понахиду. В томъ часѣ прииде вѣстникъ из дому его, повѣдая ему, что ему дарова Богъ сына // (л. 411) и княгиню его Богъ простил. Он же из глубины сердца благодарение и молитву воздая Господу Богу и Пречистой Богоматере и великому в чудесѣхъ Василию епископу Рязанскому, и отиде в домъ свой радуясь.

Мнози же православнии християне, приходящеи с вѣрою ко святому гробу его и поюще понахиду, приемлють исцеление от недуговъ своихъ неоскудно и здравы отходятъ в дома своя, благодаряще Бога и святого отца Василия.

¹ Минеева С. В. Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). М., 2001. Т. 2. С. 440–441, 475–476 («Чудо о боярыне Фекле, имущей руку десную скорчену»); 444–445, 470–471 («Чудо о немомъ отроце Иаковѣ»).

² РНБ, Соловецкое собр., № 18/1477, № 304, л. 385.

³ Имя соборного старца Иоасафа упомянуто в Отписной книге Соловецкого монастыря 1613 г. (СПб., ИИ РАН, колл. 2, оп. 1, № 130, л. 1).

⁴ Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской церкви. М., 1996. Кн. 6. Т. 11. С. 315.

⁵ О Никаноровском сборнике «Собрания от божественныхъ писаний...», принадлежавшемъ впоследствии псковскому митрополиту Илариону см.: Бубновъ Н.Ю. «Сказание ... о новыхъ книгахъ» (1667) — источникъ Пятой Соловецкой челобитной // Материалы и сообщения по фондамъ Отдела рукописной и редкой книги БАН. 1985. Л., 1987. С. 112–133.

⁶ Бубновъ Н.Ю. «Сказание ... о новыхъ книгахъ»... С. 112–133; Он же. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: Источники, типы и эволюция. СПб., 1995. С. 196–207; Белоброва О.А. Из истории псковско-новгородской книжности и культуры конца XVII — начала XVIII в. // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 270–277.

⁷ В 1660–1690-е гг. архимандритъ Макарий былъ настоятелемъ целого ряда севернорусскихъ монастырей: Никандровой пустыни (конецъ 1660 — начало 1670-х гг.), Клопского (1672–1675 гг.), Тихвинского (1675–1676, 1680–1689 и 1694–1696), Соловецкого (1676–1680), Хутынского (1689–1694). См.: Строев П. Списки иерарховъ и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стлб. 51, 63–64, 69–70, 396, 817.

⁸ См. отчетъ священника А. Ляпустина о его поездке в Никандрову пустынь и о книгахъ, отобранныхъ имъ для передачи в библиотеку Псковского церковно-историко-археологического комитета (Псковские епархиальные ведомости, 1910, № 22. С. 358–360). Перечислимъ рукописные книги архимандрита Макария, хранящиеся в Древлехранилище Псковского музея-заповедника в фонде Никандровой пустыни (ф. 502): Сборникъ певческій на крюковыхъ нотахъ (№ 16), Сборникъ аскетическій (№ 102), Сборникъ житийъ и повестей об иконахъ (№ 128), Сборникъ службъ и житийъ русскихъ святыхъ (№ 292). См.: Каталогъ славяно-русскихъ рукописей Псковского музея-заповедника (XIV — начало XX в.) / Сост. Н. П. Осипова. Псков, 1991. Ч. 1. С. 32–33, 39–41, 46–47, 47–48. Помимо 4 рукописныхъ книгъ в Псковскомъ Древлехранилище находится еще одна старопечатная книга, также принадлежавшая архимандриту Макарию: Ирмологій с мѣсяцесловомъ. М., Печат-

ный двор. 1673 (ф. 294, № 70/97). См.: Каталог книг кирилловской печати XVI–XVII веков Псковского музея-заповедника / Сост. Н. П. Осипова. 2-е изд., доп. Псков, 1985. С. 62.

⁹ Охотникова В. И. Макарий, книжник второй половины XVII в., архимандрит Соловецкий, Хутынский, Тихвинский // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2003 (в печати). Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Валентину Ильиничну за возможность ознакомиться с ее статьей до ее публикации.

¹⁰ Псковский музей-заповедник, собр. Никандровой пустыни (ф. 502), № 292. Сборник житий и служб русским святым. XVII в. (50-е гг.), в 4-ку, 420 лл. Запись на л. 1 об.: «192 году [1683] декабря в 10 день положил сию книгу в дом живоначальная Троицы и Пречистыя Богородицы и преподобного отца Никандра Тихвина монастыря архимандрит Макарий в помяновение родителей своих и во отпущение грехов своих».

¹¹ Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 246; Малышев В. И. Собрание рукописей Псковского областного краеведческого музея // ТОДРЛ. М.-Л., 1955. Т. 11. С. 476; Вагнер Г. К. Повесть о рязанском епископе Василии и ее значение для ранней истории Переяславля-Рязанского // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 167–177; Турилов А. А. К истории скриптория и библиотеки Соловецкого монастыря в XVII в.: (соловецкие рукописи в коллেকции Псковского музея-заповедника) // Народная культура Севера: «Первичное и вторичное, традиции и новации»: Тезисы докладов и сообщений региональной научной конференции 28–30 мая 1991 г. Архангельск, 1991. С. 195–197.

¹² Сапожникова О. С. Неизвестные сочинения соловецкого книжника Сергея Шелонина // Русь и южные славяне: Сб. статей к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина (1894–1987). СПб., 1998. С. 340–355; Новые сведения о соловецком книжнике Сергии Шелонине // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 617–623.

¹³ Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника... С. 47–48; Сапожникова О. С. Неизвестные сочинения соловецкого книжника Сергея Шелонина... С. 341–344.

¹⁴ Запись о вкладе этой и других книг, принадлежавших келейному собранию Сергия Шелонина, была сделана во Вкладной книге Соловецкого монастыря XVII в.: «Да во 166-м [1658] генваря в 15 день он же Сергей, бывшей Ипацкого монастыря архимандрит, дал вкладом в десть и в полдесть печатных и писменных 37 книг ... Да он же Сергей дал вкладом по себе в вечной помин печатных и писменных в десть и в полдесть и в четверть 16 книг ... А что ево Сергиевых вкладных книг, и тому роспись: ... книга Жития и службы с канонами: митрополита Филиппа, и преподобного Германа, да яренгских чудотворцов, да Иосифа Волоцкого, да 2 канона новым святым: Трифану Печенскому да Варламу Керецкому» (СПБ ИИ РАН, колл. 2, оп. 1, № 152, л. 330–331).

¹⁵ Запись об этом читается в Отводной книге книгохранительной казны Соловецкого монастыря 1658 г.: «...тех вкладных архимандрита Сергиевых книг ис книгохранительные казны никому не продавать и не давать, держать в береженьи» (РГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 256, л. 39 об.).

¹⁶ Сапожникова О. С. Неизвестные сочинения соловецкого книжника Сергея Шелонина... С. 340–355.

¹⁷ «Стихиры и канон киево-печерским святым и всем святым, в Малой России просиявшим» были написаны известным греческим писателем Мелетием Сиритом в 1643 г. по заказу киевского митрополита Петра Могилы.

¹⁸ Дмитриева Р. П. Повесть о Петре и Февронии. Л., 1979. С. 325–326.

¹⁹ Дмитриева Р. П. Две редакции XVI в. Повести о Рязанском епископе Василии // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 136–142; Она же. Повесть о Рязанском епископе Василии. (История текста первоначальной редакции) // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 40–55; Она же. Повесть о рязанском епископе Василии и ее отношение к Повести о Петре и Февронии // Дмитриева Р. П. Повесть о Петре и Февронии. Л., 1979. С. 79–94, 325–326.

²⁰ Дмитриева Р. П. ограничилась лишь упоминанием о существовании третьей редакции Повести, известной в единственном списке XVII в. из собрания Никандровой пустыни. Она отметила, что появление этой редакции было «связано с канонизацией героя Повести» (см.: Дмитриева Р. П. Повесть о Рязанском епископе Василии... С. 41).

²¹ Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития... С. 246; Вагнер Г. К. Повесть о рязанском епископе Василии... С. 171.

²² Псковский музей-заповедник, ф. 502, № 292, л. 14.

²³ Художественный принцип «уподоблений» в древнерусской агиографии был рассмотрен нами в отдельной статье (см.: Панченко О. В. Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 491–534).

²⁴ Ср.: «Иногда же и начальники града того, приходяще в келию святого благословения ради, видяще монаста девичья лежаша, и сандалиа женская, и рубища, и о семь оскорбляхуся, недоумеюще, что рещи. Вся же си бесъ мечтуа показаваше имъ, да востануть на святого и возлаголють неправедная и изженуть» (Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе / Подгот. текста, перевод и коммент. Л. А. Дмитриева // Библиотека литературы Древней Руси. XIV–середина XV века. СПб., 1999. Т. 6. С. 454). О влиянии Жития Иоанна Новгородского на текст старших редакций Повести о епископе Василии исследователи писали и раньше, но в тексте старших редакций отсутствует прием «уподобления». См.: Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографи-

ческих сказаний. Л., 1973. С. 156; Дмитриева Р.П. Две редакции XVI в. Повести о Рязанском епископе Василии... С. 141–142; Он же. Повесть о рязанском епископе Василии и ее отношение к Повести о Петре и Февронии. С. 85.

²⁵ Панченко О.В. Поэтика уподоблений... С. 491–534.

²⁶ Панченко О.В. «Канон всем русским святым» соловецкого писателя XVII в. // Альфа и Омега: Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. М., 2002. № 2 (32). С. 160–161.

²⁷ Панченко О.В. Из археографических разысканий в области соловецкой книжности. I. «Похвальное слово русским преподобным» – сочинение Сергия Шелонина (вопросы атрибуции, датировка, характеристика авторских редакций) // ТОДРЛ. СПб., 2002. Т. 53. С. 547–592; Он же. «Канон всем русским святым» соловецкого писателя XVII в. С. 160–161.

²⁸ До своего поставления на рязанскую кафедру архиепископ Моисей (в миру – священник Максим) служил протопопом Благовещенской церкви в Московском Кремле и более 15 лет был духовником царя Михаила Федоровича (см.: Смирнов С. Древнерусский духовник. М., 1913. С. 252). С деятельностью архиепископа Моисея было связано создание еще одного сказания о местной святые Рязанской и Муромской епархии – «Сказания об Унженском кресте» (известного также как «Повесть о Марфе и Марии»). См.: Брун Т.А. К вопросу о возникновении Сказания об Унженском кресте (Повести о Марфе и Марии) // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 216–226; Он же. Повесть о Марфе и Марии // Словарь книжников и книжности Древней Руси (XVII в.). СПб., 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 148–152; Демкова Н.С. «Повесть о Марфе и Марии» («Сказание об Унженском кресте») и ее переделки в XVII в. // Демкова Н.С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. СПб., 1997. С. 103–121.

²⁹ Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом, с примечаниями И. Добролюбова. Рязань, 1889. С. 11, 20, прим. 184.

³⁰ Там же. С. 13. О пении панихиды по епископу Василию в 1618 или 1619 г. рязанским воеводой князем Иваном Хворостининым говорится в тексте самой Повести.

³¹ Хочу выразить искреннюю благодарность С. А. Волковой, заведующей Псковского Древлехранилища, за большую помощь в работе с рукописными фондами Псковского музея-заповедника.

И.В. Федорова

СПИСКИ ДРЕВНЕРУССКИХ «ХОЖДЕНИЙ» В СОБРАНИИ ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩА ПСКОВСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Древнерусские «хождения» в Древлехранилище Псковского музея-заповедника представлены самыми известными произведениями этого жанра — «Хождением» игумена Даниила и «Хождением Трифона Коробейникова»¹.

Изучение рукописной традиции обоих памятников началось еще в XIX в., однако значительная часть списков *de visu* не просмотрена; о них известно только по описаниям, а это значит, что потенциально каждый вводимый в научный оборот список может изменить или скорректировать наши представления о «жизни» текста. «Псковские»² списки Хождений ранее не изучались³, а потому их текстологическое описание — один из этапов восстановления литературной истории обоих памятников. Примечательна и «псковская» страница в литературной судьбе старшего памятника жанра — Хождении игумена Даниила. Именно в Пскове, будучи архиепископом псковским, Евгений (Болховитинов) закончил работу над созданием сводного списка Хождения игумена Даниила, готовя произведение к изданию, и передал свой труд в Московское общество истории и древностей российских (1810)⁴. Однако список Хождения игумена Даниила, хранящийся в фонде Псковской духовной семинарии №126 (далее — ПДС 126), Евгению известен не был и в дальнейшем к изучению не привлекался. Кратко охарактеризуем его.

Список датируется второй половиной XVII в.,⁵ произведение передано полностью, каких-либо купюр или добавлений нет. Памятник в списке озаглавлен «Книга, глаголемая Странник» (л. 143) — это один из нескольких вариантов названия, под которым